

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

XVI. ВОЛЬТОВА ДУГА

I

На родине Холокоста, в Польше, начиная с 1961 года и до третьего тысячелетия, я был не менее десятка раз.

Бывал и в Освенциме. Помню груды очков в музее, горы обуви, оставшиеся от узников, помню и гранитные доски перед входом. Помню и свои чувства, потому что записал их в стихах.

А в рифмованных строчках память живет надежнее, чем в бессловесных чувствах, выгорающих, ветшающих, усыхающих от бега времени и давления жизни.

За эти годы у меня сложился странный цикл стихотворений, который я назвал “Европейская хроника”, но сейчас, перечитывая ее, вижу, что это “Польская хроника”. Конечно же, в 60-е годы я был полонофилом, о чем свидетельствуют не только мои стихи, но и надпись на изданной в 1973 году в Варшаве двуязычной антологии, куда вошли стихи русских поэтов XX века, посвященные Польше. Есть в ней и два моих стихотворенья. На титульном листе антологии дарственная надпись: “Дорогому Стасику, соучастнику этой маленькой полонофильской манифестации – с благодарностью и надеждой видеть его у нас почаще.”

Анджей Дравич. Варшава, в поэтическое время 27. IX. 73”.

Литераторы Польши – поляки и евреи – помнят, кто такой Дравич. Однако в мой польский цикл вплетена и еврейская нитка, поскольку мою впечатлительную душу не могли не потрясти страшные свидетельства освенцимского музея смерти. И бронзовую доску, свидетельствующую в то время, что здесь было уничтожено “4 млн евреев”, я помню. Ну как было доверчивому славянскому сердцу не взволноваться и не написать нечто общечеловеческое на тему “за нашу и вашу свободу”? До книги “Шляхта и мы” – надо было еще дожить. И над камнями двух Варшавских восстаний – польского и еврейского – я тогда проливал искренние слезы. Иногда мне кажется, что лучше бы я не знал всего, что пришлось узнать в конце XX века о характерах и судьбах народов. И люди, и народы, оказывается, несовершенны. Как сказал Пушкин: “Любви, надежды, тихой славы недолго нежил нас обман, исчезли юные забавы, как сон, как утренний туман”.

Завершение первой книги. Начало в №1–7, 9 за 2010 г.

Но все равно мне дороги мои родимые пятна, мои молодые чувства и озарения, которыми я жил в то, говоря словами Анджея Дравича, “поэтическое время”. Никто лично не виноват в том, что случилось. Прошло время, когда мы вдохновенно разбрасывали камни. Пришло время их собирать. Поэтому в заключение своей работы о жертвах и жрецах Холокоста я вспомнил о своем польском, и в то же время освенцимском, и в то же время библейском ощущении мира, которое посещало меня в лучшие годы, прожитые “в рифму”, когда “мне были новы все впечатленья бытия”.

Не все стихотворенья из этого странного цикла я печатал в своих книгах. Собрав их сейчас в единое целое из старых блокнотов, я понял, что написал эту хронику не случайно. Да и вообще поэзия дело суровое: все, что написано пером — не вырубишь топором. . .

ПОЛЬСКАЯ ХРОНИКА

1

*Я на поезде скором спешил
из Москвы в направленье Варшавы,
покидая границы державы,
где полжизни с размаху прожил.*

*Захотелось и мне посмотреть,
как сверкает чужая столица,
как торопится жить за граница,
как звучит иностранная речь.*

*Я увидел пейзажи, на взгляд,
столь же милой славянской равнины,
разве только что вместо осины
здесь все чаще каштаны шумят.*

*Да по праздникам в Кракове пьют —
не “Столичную”, а “Выборову”,
захмелеют — и песни поют,
и живут подобру-поздорову.*

*И должно быть, была хороша
сторона под названием Польша,
но случилось так странно и пошло,
что была неспокойна душа.*

*Потому что, куда бы стезя
ни вела за широкие реки,
от любимых примет, от себя
не уйти, не уехать вовеки.*

2

Пепел и алмаз

*Умирает на белом экране
для чего-то рожденный на свет
террорист с револьвером в кармане,
милый мальчик, волчонок, поэт.*

*О, как жаль, что она остается!
Две слезинки бегут по щекам...
Вот и кончено... Что остается?
Остается платить по счетам.*

*Я ведь тоже любил неуютность,
я о подвигах тоже мечтал.
Слава... странствия... родина... юность...
Как легко, как высоко витал!*

*Умирает убийца на свалке,
только я никому не судья.
Просто жалко. И девушку жалко,
и его, и тебя, и себя.*

3

*По “Гранд-отелю” бродит швед,
скушает с длинноногой шведкою.
Он, видимо, объездил свет
и утомился жизнью светскою.
Он на машине подлетел
к руинам взорванного здания
и, хлопнув дверцей, оглядел
останки польского восстания...
Так бестолково проживать —
слоняться, морщиться, покуривать,
не пропивать, не прожигать,
а просто-напросто прогуливать.
Пускай распнут! Пускай сомнут,
но есть у нации наследие,
и эти несколько минут
облагородили столетие!
Жиреет плоть, дымится снедь,
но где-то рядом в смежной области
живут поэзия и смерть,
сопротивляясь вечной пошлости!*

4

Разговор в баре

*Я сказал ему: “Гагарин”!
Я сказал: “Борьба за мир!”
И ответил англичанин:
“Лондон! Англия! Шекспир!”*

*Чтобы не угасла тема,
я вскричал без лишних слов:
“Черчилль!” — и тогда мгновенно
он парировал: “Хрущев!”*

*Стопки сдвинули со стуком,
молча выпили за жизнь
и, довольные друг другом,
улыбаясь, разошлись.*

*Слава людям знаменитым —
будь то вождь или король,
космонавтам и министрам,
кинозвездам, футболистам —
лишь бы имя, как пароль.*

*Он доволен — я доволен,
каждый при своем уме,*

*каждый, к сожаленью, волен
жить, как хочет, на земле.*

5

*Июльская желтая рожь
дышала дыханием свежим,
струился за стеклами дождь,
когда мы въезжали в Освенцим.*

*Как водится, все заросло,
бараки, пути, эшафоты,
поскольку добро или зло —
не все ли равно для природы?*

*А мы — только дети ее,
подвластные жизни и пленью...
Цветение — и забытье,
и сопротивление забвенью.*

*Нас кормит родная земля,
нам головы кружит свобода.
Мы все, к сожаленью, семья,
а как же в семье без уroda...*

*От летних обильных дождей
речная вода пожелтела,
цепочка седых журавлей
над желтой водой пролетела.*

*И чтобы среди суеты
век памяти не был короток,
мы спешили и на цветы
собрали по нескольку золотых.*

6

*Трибун, вчера произносивший речь,
сегодня сник. В его отчизне ночью
раздался гул, зашевелилась твердь,
и пустословье вылезло воочью.*

*Вы, щелкоперы и говоруны,
я видел вас на всяческих широтах.
Вас выделяет организм страны,
как слизь, — на эпохальных поворотах.*

*Грядущий пламень теплится в золе,
а слово “кровь” всегда звучит утробно...
Но что же делать, если на земле
ничто не зарождается бескровно!*

*Как пауки из выморочных слов,
вы тщитесь ради цели бесполезной
соткать бюрократический покров
над синей мглой, над животворной бездной.*

*Но грянет гром — покатится звезда,
внезапно задрожат хребты Синая —
и от словесной пыли ни следа,
и жизнь шумит, словесный прах смывая.*

7

*Гидесса — студентка с копною волос,
такая, что я покачнулся...
Но вот за витриною — гряда волос:
прическа — кощунство.*

*Полячка, что делать? — ведь жизнь коротка,
в ней всякая встреча, как чудо...
Труба крематория так высока!
Кокетство — кощунство.*

*Согбенный еврей неподвижно стоит,
и скорбь на лице, как кольчуга.
Свихнуться бы надо — стоит и молчит.
Молчанье — кощунство.*

*Художник с мольбертом рисует барак,
чтоб сплелись жизнь и искусство.
Как будто возможно! Наивный чудак...
Искусство — кощунство.*

*Турист от усталости очи закрыл,
пора бы, дружище, очнуться.
А где ты находишься, милый, забыл?
Усталость — кощунство.*

*На поле крестьянское пепел летел,
где брюква, ячмень и капуста
цвели, удобряясь останками тел...
Капуста — кощунство.*

*О эти прекрасные рифмы мои,
мои благородные чувства!
Да что говорить? — Помолчи, помолчи,
иначе — кощунство.*

8

*Почему же по центру Европы,
на пути все живое утюжа,
разрушая дома и утробы,
не промчались железные туши,
почему не проехали танки,
чтоб оставить подобие свалки,
чтоб остались разбитые камни,
да зверей одинокие тропы,
да пустое пространство на карте,
как клеймо на груди у Европы...
Почему не нашлось наказанья?
Не хватило фантазии бедной?
Но попало мне в руки сказанье
из истории ветхозаветной.*

9

*Как сказал Аврааму Господь:
— Дух растлился и рыщет по свету,
и трепещет невинная плоть,
ожидая призыва к ответу.*

*Я вчера поглядел с высоты:
ни фанатиков, ни атеистов,
разложились, живут, как скоты,
и поэтому гнев мой неистов.*

*Кто в разврате, а кто во хмелю,
кто в распутство ушел, кто в крамолу.
И поэтому испепелю
без пощады Содом и Гоморру!*

.....
*— Господи, — ответил Авраам, —
я согласен, мы несовершенны,
строим небоскребы и вертепы,
воздвигаем башню к облакам.*

*Благостыни недостойны мы,
все в пороках, в метинах позора.
Мало нам чумы или войны,
не хватает глада или мора.*

*Докатились. Господи, прости!
но неужто среди нас не видно,
может быть, найдется, посмотри,
ну хотя бы пятьдесят невинных.*

*Пятьдесят младенцев или жен...
Разбомбишь — и грех падет на душу... —
И, коварной логикой сражен,
Бог сказал: — Найдется — не разрушу!*

*— Но послушай! — продолжал хитрец. —
Для тебя любой заблудший дорог.
Основоположник и Отец,
ну а если нас найдется сорок?..*

*Может, в яслях, может, в детсадах
сорок невинных, душа в душу... —
Помолчавши, Бог ответил так,
очень недовольно: — Не разрушу...*

*Шла торговля, били по рукам,
то к стопам Божественным ложился,
то в припадке падал Авраам,
то в изнеможении божился
и рискнул: — А ежели один
праведник?! —*

*И, потрясая сушу,
Бог вскричал: — Так знай же, сукин сын,
и едина ради не разрушу!*

10

*Может быть, время, а может, война
женщину в черном платке истрекала.
Не потому ли так страстно она
к каменным плитам костела припала?*

*Женщина разве сумеет понять
в мире трепещущем и разноцветном,
как совмещаются твист и Освенцим,
с чем соглашаться и что проклинать?*

*Разве успеет осмыслить она
тайну материи, сущность движенья,
если простейшей любви от рожденья
чистая истина в дар не дана?*

*Что ж, органист,
забывайся, играй,
вечность клубится под сводами храма,
пусть расплеснется она через край
из сладкогласной утробы органа!*

(1960—1964 гг.)

II

Вторым магнитным полюсом моей исторической вольтовой дуги после польского стал, как естественное продолжение трагедии Холокоста, ближневосточный арабский полюс. К тому же меня после моих “идеологических скандалов” — дискуссии “Классика и мы”, письма в ЦК о “Метрополе” и о сионизме — если и посылали от Союза писателей за границу, то чаще всего на арабский Восток — в Сирию, Ирак, Иорданию, Йемен, Алжир, Тунис. Мол, говори там, что хочешь...

А я и рад был: в чреве великих древних цивилизаций в семидесятые-восьмидесятые годы кипела живая, кровоточащая, настоящая человеческая история. Не то что в пошлой и полуживой Европе, где встречаешься с какими-нибудь славистами, мелкими диссидентами, газетными папарацци. Ближневосточная жизнь, напротив, была трагической, мощной, простонародной. В Дамаске и Багдаде, в священной для мусульман Кербале и на берегах Иордана — великого ручейка человечества, который кое-где перепрыгнуть не стоило труда, — я встречал людей, умеющих жертвовать собой во имя своего народа и с именем Бога на устах.

В одна тысяча девятьсот семьдесят восьмом году мы прилетели с кабардинцем Алимом Пшемаховичем Кешоковым в Дамаск. Отославшись после самолета в гостинице, мы утром вышли в гостиничный вестибюль и встретили высокого араба с седой шевелюрой. Он бросился к нам с распростертыми объятьями. Это был палестинский поэт Муин Бсису, с которым мы не раз встречались на ближневосточных земных широтах. Я хорошо помнил его по Тунису...

Шел съезд писателей Палестины. Мы заседали под открытым небом в каком-то парке, над президиумом под порывами ветра, налетавшего со стороны Средиземного моря, трепетало, как парус, туго натянутое полотнище, на котором в окружении двух пальмовых ветвей была оттиснута, словно зеленый наконечник копья, территория Палестины, перекрещенная двумя черными винтовками. Со стола президиума аж до самого пола свешивалось белое покрывало с нашитыми из красных букв арабской вязи словами: “Кровью напишем для Палестины”. На трибуну взлетел Муин и стал выкрикивать с нее стихи, посвященные командиру студенческого отряда, погибшему в схватке с израильтянами в ливанских горах. Рефрен стихотворенья, вызвавшего бурю рукоплесканий, мне тут же перевели:

*Я люблю сопротивление,
потому что оно — пуля в груди,
а не гвоздика в петлице.*

Поэт читал не только для живых, но и для мертвых, потому что трибуна, с которой он выступал, была обрамлена портретами палестинских писателей и журналистов, погибших в схватках за Палестину. Все они были чем-то похожи на Че Гевару; на молодых и суровых лицах лежал трагический отсвет мученической смерти и веры в победу.

В заключительный день съезда я был приглашен на торжественный праздник-банкет в отель “Хилтон”.

На эстраде пела знаменитая ливанская певица Фейруз, Муин читал стихи, посвященные ей:

*Так пой, Фейруз, для воробьев,
сидящих на решетке
моей тюрьмы.*

Но сотни палестинцев, сидящих в огромном зале отеля, смотрели не столько на легендарную Фейруз и знаменитого поэта, сколько на громадного араба, который, словно джинн из “Тысячи и одной ночи”, возвышался над всеми людьми в центре зала. Он то и дело пожимал руки, тянущиеся к нему, улыбался белозубым ртом под черной щеткой усов, чокался бокалом красного вина с поклонниками, желавшими одного – прикоснуться к нему. Принимая, как должное, признание и восторги, великан осенял всех жаждущих прикосновением своей руки, похожей на корявую ветвь ливанского кедра. Это был человек, расстрелявший команду израильских суперменов на мюнхенской Олимпиаде 1972 года.

Его звали каким-то сверхчеловеческим именем Абу – и дальше следовала цепь тотемных имен, обозначавших род, племя, семью.

Мы сидели за одним столом с Муином, и, замерев от ужаса, вызванного своими собственными словами, я вдруг сказал ему:

– Познакомь меня с ним!

Муин схватил меня за руку, и мы стали продираться сквозь горячую, влажную толпу, сквозь запахи жареного мяса, вина, пряностей и других испарений к сказочному арабу. Муин с трудом раздвинул окружение телохранителей кумира и сказал ему, что я известный русский поэт. Кумир, в черном костюме тонкого сукна, в белой рубашке, протянул мне волосатую лапу, украшенную золотыми перстнями, и моя ладонь исчезла в ней. Я задрал голову и встретился с его – нет, не глазами – а как будто двумя вставленными в глазницы холодными драгоценными камнями, не выдержал его взгляда, опустил глаза, увидел, что его шелковая рубашка широко расплывлась, а грудь покрыта курчавой черной шерстью, и со страхом понял, что у него все тело покрыто таким же покровом, как у человекоподобных – у Голиафа или Гильгамеша.

Помнится мне, если я не ошибаюсь, что израильские мстители из Моссада где-то выследили его и убили через несколько лет после этого триумфа.

Через несколько дней мы взяли с собой Муина и вместе с переводчиком из посольства поехали на развалины некогда цветущего сирийского города Кунейтры, взорванного израильскими солдатами, когда они в 1974 году в ярости покидали завоеванные сирийские земли и уходили на Голанские высоты, которые, как два покатых верблюжьих горба, виднелись на горизонте.

Мы бродили по развалинам некогда цветущего города, по исковерканным взрывами бетонным плитам, перешагивали через изогнутые ржавые клубки железной арматуры, в суевном молчанье созерцали кладбища с поваленными и раздробленными стелами, увенчанными крестами и полумесяцами. Разрушенный город, как и положено безлюдным руинам, зарастал дикой колючей травой, повиликой, жестким кустарником с глянцевыми листьями, от развалин, усыпанных лепестками цветущих яблонь, исходил запах сладкого тлена, и я вспомнил фильм об индийской гробнице, который увидел в Калуге еще во время войны и в котором меня поразили не столько приключения героев, сколько картины зарастающих тропическими лианами улиц древнего обезлюженного города. По черным базальтовым камням, из которых в Кунейтре были сложены стоявшие рядом друг с другом мечеть и христианская церковь, извиваясь своими изящными телами, носились юркие ящерицы. Время от времени, испуганные нами, с коротким шипеньем черные змейки срывались с солнцепека и ускользали в каменные щели, ввинчивались в спасительные трещины. Сирийские юноши и девушки, приехавшие поглядеть на развалины домов, где они еще недавно жили, останавливались у развалин, заходили в оскверненные мечети, в обезображенные дворы, присаживались отдохнуть в тени цветущих каштанов. Юноши были в черных брюках и белых рубашках, а девушки в синих и красных платьях. Все черноволосые, смуглые, изящные, словно выточенные статуэтки.

Алим Кешоков нагнулся, разгреб носком ботинка груды щебня и вытащил из-под него какие-то бумажные обрывки.

– Станислав, смотри, да это же страницы Библии.

Муин взял у него из рук обугленный листок плотной бумаги и прочитал несколько слов, которые пересказал переводчик:

– *“И города разрушили, и на всякий лучший участок в поле бросили каждый по камню и закидали его; и все протоки вод запрудили и все деревья лущие срубили, так что оставались только камни в Кир-Харешете”.*

– Это об израильтянах, – сказал Муин. – Четвертая книга Царств.

Ветерок, налетевший с ливанских гор, протянувшихся в сиреновой дымке белой снеговой линией, освежил наши лица, мы зашли в ограду христианской церкви, выбрали под платанами тенистый пятачок и присели передохнуть. Я заглянул в церковь сквозь ржавую решетку. Увидел разбитый иконостас, поваленные каменные подсвечники, выщербленные взрывами плиты. Муин волновался. Он многое хотел рассказать нам, потому что недавно вышел с последними защитниками Бейрута из осажденного и разбитого израильской солдатней города, с автоматом в руках. С его ладоней еще не сошли пятна от оружейной стали. Рядом с ним делила все тяготы партизанской жизни его дочь – медсестра, перевязывавшая раны палестинцам. Он просто задыхался от жажды рассказать нам о последних днях бейрутских боев, и когда мы присели в тени и выпили по глотку коньяку из фляжки, предусмотрительно захваченной в путь Кешоковым, Муин посмотрел на нас своими громадными лошадиными глазами и начал читать стихи. Позже я перевел их. Стихи были о том, как он и его бывший знакомый израильтянин Даниэль стали врагами.

*Даниэль,
вспоминаю, как ты крался по палубе,
как лицо твое прожектора
вырывали из тьмы.
Ты мальчишкою крался в окрестностях Хайфы,
убежав из Освенцима
на палестинскую землю.
Палестина одела тебя
лепестками трепещущих лилий
и листьями древних олив.
Чем же ты отплатил Палестине?
Пулей в сердце оливы.
Ты возжег не светильники из масла, а пламя пожара,
ты не шляпу надел из соломы,
а железную каску...*

Спасаясь от Холокоста, Даниэль, подобно палачу палестинского народа Менахему Бегину, убежал в Палестину.

Стихотворенье заканчивалось строками, которые до сих пор можно считать заново написанными после каждого нового всплеска палестинского сопротивления:

*Ты на древнем Синае,
иль на Сирийских высотах,
или на улице Газы
будешь ждать свою смерть за мешками с песком
или за корпусом танка...*

Кабардинец Кешоков, несмотря на свои шестьдесят лет, выглядел молодцом. У него была легкая кавалерийская походка, седая голова и хорошая память.

– Где война, там и поэты, – сказал он. – Палестинские воюют за свою землю. Израильские – за свою.

Мы хлебнули еще по глотку, и Алим задумался, глядя на снеговые очертания ливанских гор. Порывы ветра, летящие с их вершин, обволакивали нас тонкими запахами цветущих роз, лепестки которых, слегка привядшие, под-

сохли, полегчали и, когда веянье ветра усиливалось, шевелились и подползали душистыми ручейками к черным, начищенным ботинкам Кешокова. А я глядел на него и представлял себе, каким он был сорок лет тому назад, черноволосый юноша в черкеске с газырями, а может быть, в простой офицерской гимнастерке, в мягких сапогах со шпорами, с автоматом через плечо, с бесшумной походкой охотника и кавалериста.

В той же Кунейтре пред тем, как возвратиться в Дамаск, я спросил Муина Бсису:

— Какая у тебя сокровенная мечта в жизни?

Он ответил не задумываясь:

— Чтобы меня похоронили в родной земле, в независимой и свободной Палестине!

Но не дожидаясь Муина до создания независимой Палестины. И до своей мечты — быть похороненным в родной земле. Он умер в изгнании, в одной из лондонских гостиниц, где жил под чужим именем с тунисским паспортом. И лишь одна из английских газет в хронике событий кратко сообщила о том, что в таком-то отеле в 207-м номере было найдено тело какого-то “тунийца”. На стене его комнаты был приколот кнопками портрет Че Гевары.

А у меня после моих скитаний по Ближнему Востоку постепенно сложился цикл стихотворений, в котором я попытался понять, почему восточноевропейские жертвы Холокоста, поселившись в Палестине, переродились в беспощадных колонизаторов и строителей “нового мирового порядка”. И конечно же, все мои чувства, которые в Польше были обращены к ним, в Ханаане я отдал соплеменникам Муина Бсису.

Некоторые из этих стихотворений я включал в свои книги 70–80-х годов. Но, собранные вместе с неопубликованными в один цикл, они обретают иную жизнь, особенно в наше время.

1

*Под небом пустынного края,
известном из Книг Бытия,
я слушал, как, в море впадая,
шумит Иордана струя.*

*Здесь каменной соли навалом,
здесь почва, как соль, солонча,
здесь стала от слез минералом
несчастливого Лота жена...*

*Тяжелое Мертвое море
насыщено солью насквозь —
в него палестинское горе
соляным раствором влилось.*

*Вода Иордана струится,
уходит под взорванный мост —
сожмнулись река и граница,
железный шлакбаум и пост.*

*Здесь наземь слетела косынка,
когда, у себя за спиной
оставив свой дом, палестинка
застыла, как столп соляной.*

*Здесь выжжены мирные нивы
на том и другом берегу,
и только плакучие ивы
цветут, как на русском лугу.*

2

Родная земля

*Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.*

Анна Ахматова

*Когда-то племя бросило отчизну,
ее пустыни, реки и холмы,
чтобы о ней веками править тризну,
о ней глядеть несбыточные сны.*

*Но что же делать, если не хватило
у предков силы родину спасти
иль мужества со славой лечь в могилы,
иную жизнь в легендах обрести?*

*Кто виноват, что не ушли в подполье
в печальном приснопамятном году,
что, зубы стиснув, не перемололи,
как наша Русь, железную орду?*

*Кто виноват, что в грустных униженьях
как тяжкий сон тянулись времена,
что на изобретеньях и прозреньях
тень первородной слабости видна?*

*И нас без вас и вас без нас убудет,
но, отвергая всех сомнений рать,
я так скажу: что быть должно — да будет! —
вам есть где жить, а нам — где умирать...*

3

*Белозубый араб восемнадцати лет,
смуглый отпрыск великих племен,
партизан и бродяга, изгой и поэт,
стал глашатаем новых времен.*

*Но политика — древнее дело мужчин,
а не юношей, вот почему
в силу этой и нескольких прочих причин
пулю в спину всадили ему.*

*Он работал связным и по древней тропе
мимо Мертвого моря спешил,
где когда-то Христос в Галилейской стране
легендарное чудо свершил.*

*Там, где огненной лавою в души лилась
речь о непротивлении злу,
вновь на камне горячая кровь запекалась,
и огонь превратился в золу.*

*Над кустом тамариска колыхается зной,
но, убийца, умерь торжество:
если юноша принят родимой землей —
то изгнания нет для него!*

4

*Когда о мировом господстве
взревнует молодой народ,
за темный бред о превосходстве
ему расплата настает.*

*Чем платит? — юностью и кровью
за угождение страстям,
за то, что силе и здоровью
дан ход по варварским путям.*

*Но если дряхлое колено
закусит те же удила —
тьнь вырождения и плена
ложится на его дела.*

*Так в судорожном раже старость,
своим бессильем тяготясь,
впадает в немощную ярость,
столь не похожую на страсть.*

5

*Не в родных партизанских лесах,
а среди аравийских просторов
я увидел в миндальных глазах
гнев, который понятен и дорог.*

*Палестинка, глазницы твои —
воспаленные два полукружья,
у тебя ни угла, ни сеньи
и ладони темны от оружия.*

*Чтоб сжимать автоматную сталь
в нежных пальцах — не женское дело!
Но глядишь ты в пустынную даль
чуть с прищуром, как в прорезь прицела.*

*Я без слов понимаю твой пыл,
потому что в военные годы
я ведь тоже изгнанником был
и, как ты, знаю цену свободы.*

6

*То время туманом покрыто,
когда на песок золотой
взошла босиком Афродита,
рожденная в пене морской.*

*А море шумит, как шумело,
но волны на берег несут
не чье-то прекрасное тело,
а доски, бутылки, мазут.*

*Шуршат под ногами газеты,
струится обеденный чад,
в гигантских отелях клозеты
на всем побережье урчат.*

*Где некогда влажные косы
в горсти отжимала она, —
щенок разгребает отбросы...
Но все же бормочет волна,*

*что час неизбежный настанет
и, сам своей мощи не рад,
наш род человеческий устанет
творить комфортабельный смрад.*

*Иссякнут последние недра,
вся нефть испарится до дна,
и будет последняя жертва
природою принесена...*

*Вновь на берег выйдет богиня,
но мир, погружаясь в забытье,
не вспомнит ни древнее имя,
ни тайну рожденья ее.*

7

Дамаск

*Побродил по нашему столетию,
поглядел в иные времена...
Голуби над золотой мечетью
в синем небо чертят письмена.*

*То с горчинкой, то нежданно сладок
ветер из полуденных песков.
Я люблю восточный беспорядок,
запахи жаровен и цветов.*

*Шум толпы... Торговля... Перебранка...
Но среди базарной суеты
волоокая аравитянка
вывернула грудь из-под чадры.*

*Грудь ее смугла и совершенна,
и, уткнувшись ртом в родную тьму,
человечек застонал блаженно,
присосался к счастью своему.*

*Может быть, когда-нибудь без страха
он, упрямо сжав семитский рот,
с именем отчизны и Аллаха,
как пророк, под пулями умрет.*

*Может быть, измученным собратьям
он укажет к возрожденью путь...
Спит детеныш, в слабые объятья
заклучив коричневую грудь.*

8

Разговор с покинувшим Родину

*Для тебя территория, а для меня —
это родина, сукин ты сын.
Да исторгнет тебя, как с похмелья, земля
с тяжким стоном берез и осин.*

*Я с тобою делил и надежду и хлеб,
и плохую и добрую весть,
но последние главы из Книги Судеб
ты не дал мне до срока прочесть.*

*Но я сам прозреваю, не требуя долг,
оставайся с отравой в крови.
В языке и в народе известно, что волк
смотрит в лес, как его ни корми.*

*Впрочем, волк —
это серый и сказочный зверь,
защищающий волю свою...
Все я вижу прекрасно, но даже теперь
много чести тебе воздаю.*

*Гнев за гнев, —
коль не можешь любовь за любовь —
так скитайся, как вечная тень,
ненадолго насытивший желчную кровь
исчезающий оборотень.*

9

*То угнетатели, то жертвы...
Чем объяснить и как понять,
что снова мировые ветры
их заставляют повторять
путь возвращения по кругу,
путь реформировки сил?..
Но кто к душевному недугу
их беспощадно присудил?
Сердца людей не приневолишь,
стезя затеряна в пыли...
А нужно было-то всего лишь
обжить родной клочок земли,
чтоб стал он кладбищем и домом,
чтоб был издревле защищен
не долларом и не “фантомом”,
а словом, плугом и плечом,
чтобы не тягостные мифы,
а гул работы и борьбы
да тяжкий шепот хлебной нивы
рождали музыку судьбы.*

10

*В садах голубого Туниса
был воздух душистым от роз,
от тонкого духа аниса,
от шелеста желтых мимоз.*

*Броди да вдыхай ароматы...
Но, зная задачи свои,
как роботы или солдаты,
по тропам ползли муравьи.*

*И каждый тащил в муравейник
то стройматерьялы, то снесь,
и каждый прохвост и бездельник
тотчас обрекался на смерть.*

*Чтоб не было горьких неравенств,
работали все, как один,
оставив тщеславье и зависть
разумным собратьям своим...*

*А может быть, нету лекарства
надежней от наших страстей,
чем путь муравьиного братства,
единство его челюстей.*

*Не зря муравьи пережили
всех вымерших чудищ земли,
и лапок своих не сложили,
и нравы свои соблюли.*

*Порывистый ветер пустыни
нет-нет да приносит ко мне
дыханье холмов Палестины,
плывущих в крови и в огне.*

11

*Два сына двух древних народов
такой завели разговор
о дикости древних походов,
что вспыхнул меж ними раздор.*

*Сначала я слышал упреки,
в которых, как корни во мгле,
едва шевелились истоки
извечного зла на земле.*

*Но мягкие интеллигенты
воззвали, как духов из тьмы,
такие дела и легенды,
что враз помутились умы.*

*Как будто овечью отару
один у другого угнал,
как будто к резне и пожару
вот-вот и раздастся сигнал.*

*Куда там! Не то что любовью
дышали разверстые рты,
а ржавым железом, и кровью,
и яростью до хрипоты.*

*Что было здесь правдой? Что ложью?
Уже не понять никому.
Но некая истина дрожью
прошла по лицу моему.*

*Я вспомнил про русскую долю,
которая мне суждена, —
смирять озверевшую волю,
коль кровопролитна она.*

*Очнитесь! Я старую рану
не стану при всех растравлять,*

*и как ни печально, — не стану
свой счет никому предъявлять.*

*Мы павших своих не считали,
мы кровную месть не блюли
и только поэтому стали
последней надеждой земли.*

1974—1978

Список основных источников

- 1) “Передайте об этом детям вашим”. История Холокоста в Европе. 1933—1945. М., Текст, 2000.
- 2) “Тайна Израиля”. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX вв. СПб., София, 1993.
- 3) “Исследование Холокоста. Глобальное видение. Материалы международной Тегеранской конференции. 11—12 декабря 2006 года”. М., Алгоритм, 2007.
- 4) “Сионизм — правда и вымыслы” под общей редакцией Е. Евсеева. М., Прогресс, 1983.
- 5) Эдуард Ходос. “Между спасителем и Антихристом”. Харьков, 2005.
- 6) “Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем”. Составители Альфред Кох, Павел Полян. М., Три квадрата, 2008.
- 7) В. Кожин. “Великое творчество. Великая Победа”. М., Воениздат, 1994.
- 8) “Американский кабинет Иосифа Бродского”. Издательство Farrar, Straus and Giroux. 2006.
- 9) Норман Д. Финкельштейн. “Индустрия Холокоста”. М., Русский Вестник, 2002.
- 10) Ст. Куняев. “Шляхта и мы”. М., “Наш современник”, 2005.
- 11) В. Ерашов. “Коридоры смерти”. М., ПИК, 1990.
- 12) Юрген Граф. “Крах Мирового порядка”. М., Алгоритм. 2008.
- 13) “Тень Холокоста”. Материалы II Международного симпозиума “Уроки Холокоста и современная Россия”. М., 1998.
- 14) Ицхак Арад. “Холакаст”. Яд Вашем, Иерусалим. 1990.
- 15) Юрий Мухин. Евреям о расизме. М., Алгоритм, 1990. 2000.
- 16) Йохен фон Лонг. “Протоколы Эйхмана”. М., Текст, “Дом еврейской книги”, 2002 г.
- 17) Сигизмунд Мироник. “Сталинский порядок”. М., Алгоритм, 2007.
- 18) Г. В. Костырченко. “Тайная политика Сталина. Власть и Антисемитизм”. М., Международные отношения, 2001.
- 19) “Россия и евреи”. Москва, “АЗ”, 2007.
- 20) В. Бегун. “Вторжение без оружия”. М., Молодая гвардия, 1977.
- 21) Тора и духовное возрождение. Тель-Авив, Изд. Хама, 1980.
- 22) Д. Волкогонов. “Триумф и Трагедия”. АПН, 1989.
- 23) Ханна Арендт. “Банальность зла”. Эйхман в Иерусалиме”.
- 24) “Русские Амазонки”. М., 1990.
- 25) Библия.
- 26) Роже Гароди. “Основополагающие мифы израильской политики”. “Наш современник”, 1997. № 1—4.
- 27) Л. Медведко, С. Медведко. “Восток — дело близкое. Иерусалим — святое”. Грифон, 2009.
- 28) Томас Манн. “Письма”. М., Наука, 1975.
- 29) С. Баландин. “Основы научного антисемитизма”. Алгоритм, 2009.
- 30) А. Вергелис. “16 стран, считая Монако”. М., Сов. писатель, 1979.
- 31) Василий Гроссман. “Треблинский ад”. М., Воениздат, 1945.
- 32) Лев Копелев. “О правде и терпимости”. Нью-Йорк. 1982.
- 33) Василий Гроссман. “За правое дело”. Ростов-на-Дону, издательство Ростовского университета, 1989.

- 34) Арсен Мартиросян. “Трагедия 22 июня: блицкриг или измена?” М., 2007.
- 35) “Военно-исторический журнал”. 1990, № 1–12.
- 36) В. Крючков. “Личное дело”. М., 1997.
- 37) Х. Кардель. “Адольф Гитлер – основатель Израиля”. М., “Русский вестник”. 2004.
- 38) “Ахадъ Хамъ. Тайный вождь иудейский”. Берлин, 1922.
- 39) Рихард Вагнер. “Еврейство в музыке”, издание Грозмана. СПб., 1908.
- 40) Владимир (Зеев) Жаботинский. “Избранное”. Библиотека-Алия, 1978 г. Израиль.
- 41) Альфред Розенберг. “Миф XX века”. Изд. “Shildex”, Таллин, 1998.
- 42) В. Шульгин. “Что нам в них не нравится”. Изд. Хорс, СПб., 1992.
- 43) А. К. Крыленко. “Денежная держава”. М., 2002.
- 44) А. Симанович. “Распутин и евреи”, Рига, 1990.
- 45) Фридрих Ницше. “Антихристианин”. СПб., 1907.
- 46) Отто Вейнингер. “Пол и характер”. СПб., 1906.
- 47) Энциклопедия “Холокост”. М., Роспэн, 2005.
- 48) Шломо Занд. “Кто и как избрел еврейский народ”. М., 2010.